

© П.А. СУНГУРОВ, В.П. ПЕТРОВА

Pavelsungurov@yandex.ru

УДК 94:351.74

КРИМИНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению преступности в регионе, где в тот момент сосредотачивалось множество противоречий: край, получая импульсы для ускоренного развития, при этом оставался местом ссылки, территорией с особым правосознанием населения и обилием вызовов со стороны криминального мира.

SUMMARY. This article is devoted to the study of crime in the region, where at that moment there were a lot of contradictions: the region, being given impetus for a rapid development, remained at the same time a place of exile, a territory with a particular sense of justice and a number of challenges from the criminal world.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Полиция, преступность, Тобольская губерния.

KEY WORDS. Police, crime, Tobolsk province.

Сибирские губернии и области считались одними из самых криминальных в Российской империи. В частности, Тобольская губерния, расположившаяся на рубеже Европейской России и Сибири, заселялась социально и политически активными людьми, испытывала наибольшую нагрузку переселения и ссылки, и население, будучи очень неоднородным, постоянно перемешивалось. В этом «котле» сталкивались самые неодинаковые правовые и ментальные традиции, смешивались разные представления о гуманности, нравственности, должном правопорядке, что создавало благоприятную почву для развития преступности. Неустроенность людских масс, невысокий уровень их жизни, проведение «Великого рельсового пути» и т.д. — все вместе только накаляло криминогенную обстановку.

Ее усугубляли недостатки, имевшиеся в устройстве правоохранительных органов. Полиция действовала неэффективно, не обладая необходимыми авторитетом и ресурсами, являлась и субъектом, и объектом криминальных злодеяний. Кадровый состав полиции Тобольской губернии по численности и по качеству явно не испытывал избытка в многоопытных сотрудниках, и не преуспел в противостоянии с правонарушителями. Например, в 1880-х гг. в Тюмени, судя по докладам местного исправника, полицейские учреждения обнаружили абсолютное «бессилие» в борьбе с преступностью, в частности, с кражами, поскольку их штат оказался недостающим, а лица, занимающие полицейские должности совершенно некомпетентными [1]. Чиновники правоохранительной орга-

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (ГК П661 от 10.08.2009).

низации зачастую мало отличались от преступников. Среди чинов полиции глубоко укоренилось взяточничество и другие правонарушения. Например, в 1889-1892 гг. из полицейских рядов Тобольской губернии были уволены 13 человек, 7 из которых осуждены [2].

Репрессивный потенциал полиции, юстиции и прокуратуры являлся весьма невысоким, степень уголовного наказания была крайне небольшой. Известно, что незначительные преступления и проступки в Сибири не преследовались [3], а самые дерзкие преступления, по словам министра юстиции Н.В. Муравьева, оставались «весьма часто безнаказанными и не расследованными» [4]. «Суд не служит угрозой для преступников и защитником для обиженных и угнетенных», — говорилось в одной из министерских аналитических записок о карательных возможностях сибирской системы правосудия [5]. Поэтому правосознание жителей Тобольской губернии характеризовалось, по словам губернатора Л.М. Князева, «полным недоверием к правосудию и закону» [6], а мундир представителя какого-нибудь из правоохранительных ведомств не производил впечатления на местных злоумышленников, не отвращая от преступных деяний.

Их действия отличались агрессивностью по отношению к органам власти; они не опасались ее носителей и даже нападали на них. Известно немало случаев, когда преступники атаковали полицейских чиновников. В декабре 1895 г. трое пьяных тюменцев ночью распевали песни на улицах города. Караульный попросил их не нарушать тишины и спокойствия, за что и был жестоко избит [7]. Сообщение в местной прессе: «Нападение на городского. В ночь на 20 мая трое неизвестных напали на стоящего на посту у Маслова взвоза городского Смолина, которому нанесли значительные побои» [8]. Нападению подвергалось и полицейское имущество. В 1867 г. в Тюмени двумя солдатами местной команды был похищен набатный колокол из городской будки, расположенной по Царской улице [9].

Непочтительность к государственной власти и праву у сибиряков культивировалась с детства. П.М. Головачев рассказывал об особенностях тюменского родительского воспитания: «Один отец, отдавая сына в учебное заведение, аттестовал его “шустрым, смышленным”» мальчиком: он уже ловко ворует деньги у него, отца; другой родитель считал своего маленького сынка “бойким, развитым”: “как выйдет во двор, как начнет ругать работников, как большой”» [10; 65]. Подобная социализация подрастающего поколения неминуемо подготавливала преступные кадры. Сибиряки, если преступление не имело уж слишком отвратительного характера (например, изнасилование, растление несовершеннолетних, кровожадное убийство), с сочувствием относились к уголовникам [11].

Неуважение к правам других и чувство безнаказанности породили разнообразие преступных деяний. Покушение на чужое имущество являлось наиболее распространенным видом преступления в Тобольской губернии. На рубеже XIX-XX вв. около 50% осужденных в Тобольской губернии совершили преступления именно против имущества частных лиц и порядка управления [12]. У воров отсутствовали всякие нравственные устои, и они иногда посягали на самое святое. Так, 2 августа 1880 г. в Тюкалинске из часовни, расположенной на кладбище, в результате взлома замка было похищено 5 руб. [13]. 11 мар-

та 1879 г. в Обдорске из местной Петропавловской церкви в результате кражи со взломом инородцем М. Худиным и крестьянином Архангельской губернии Н. Артьевым были похищены 57 руб. кредитными билетами, 7 руб. 15 коп. серебром и 3 руб. медью [14]. Не брезговали святотатственными покушениями на имущество и чиновники, причем начальствующего звена. Тюменский окружной стряпчий Б.И. Красин, по сведениям тобольского губернского прокурора К.Б. Газенвинкеля, являлся отъявленным коррупционером, украл («Красину пошли во взятки») деньги, собранные одним сельским обществом на строительство часовни. В 1887 г. его осудили за вымогательство и выслали «на поселение в отдаленные места Сибири» [15].

Нередкими были зверские преступления против жизни. «Нет ничего удивительного, — писал один из сибирских “криминологов” А. Литовцин, — что сибирские преступления отличаются какой-то особенной жестокостью» [16]. В Тобольской губернии совершалось немало безжалостных преступных деяний. Обнаруживались трупы с перерезанным горлом, с признаками удушения, убивали друг друга супруги, гибли участники «любовных треугольников». Например, 8 апреля 1880 г. в деревне Созоновой Ялуторовского округа умер от отравления крестьянин И. Калугин. В совершении преступления созналась его жена. Тогда же при аналогичных обстоятельствах был отравлен женой канонир Г. Рожин. В Кургане мещанка Филатова из ревности избивала поленом крестьянку Матвееву, которая вскоре скончалась от побоев [17].

В губернии совершались преступления и без злого умысла. Неосмотрительное использование оружия и предметов быта являлось частой причиной убийств по неосторожности. К примеру, крестьянин Туринского округа З. Перевоскин получил на охоте смертельное пулевое ранение. Виновным признавался односельчанин, по опрометчивости выстреливший в потерпевшего. Однажды в Тюкалинском округе ненамеренно, по нелепой случайности была убита брошенной своей бабушкой ножницами 3-х летняя девочка [18].

Алкоголизация и невежество народных масс, по мнению некоторых современников, были главными причинами распространения преступности. «Кровь так же, как водка, льется рекой», — констатировал А. Литовцин [19]. С малолетства в рационе тюменца присутствовал алкоголь: «В другой раз, мы наткнулись на еще более возмутительную картину: пьяного отца и еще более пьяного его маленького сына, мальчика четырех лет; несчастный мальчик тщетно пытался встать и сделать несколько шагов — всякий раз со всего размаха он падал на землю... Отец стоял и смотрел на сына с пьяной улыбкой» [20; 65].

По статистике лидером по количеству преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в Тобольской губернии регулярно становился Курганский округ. Сами курганцы, не являвшиеся поклонниками трезвости, как фиксировалось в полицейских протоколах, нередко гибли от злоупотреблений зеленым змием [21]. Округ являлся одним из самых пьющих и преступных уголков губернии, по мнению местного общества и губернских властей, из-за полного бездействия местного полицейского ведомства. Начальник сибирского жандармского округа в 1871 г. доносил в Главное управление Западной Сибири, что курганские блюстители и охранители порядка явно не переусердствовали на службе: город погрузился в хаос, его улицы тонули в нечистотах, которые с наступлением весны вызывали вспышки лихорадки и тифозной го-

рячки, а возгорание навозных куч приводило к крупным пожарам [22]. Пьянство являлось общим недугом сибирского общества, а чрезмерная страсть к спиртному, сама по себе, толкала на преступление. Так, 18 мая 1880 г. в селе Крутинском Тюкалинского округа крестьяне Я. Худорожков и С. Кулаков украли у своего односельчанина Г. Мыльникова 3 четверти ведра вина [23].

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения губернии, совместное проживание аборигенов и переселенцев из отдаленных уголков Российской Империи, оказывали влияние на общий уровень криминализации региона. Лица мусульманского вероисповедания, принимая активное участие в общественной жизни, нередко вступали в конфликты с сибиряками. Статистика свидетельствовала, что чаще других преступления совершали башкиры и татары, на третьем месте в этом списке шли сосланные в Сибирь представители горских народов [24]. Не редкостью были трения между коренным и пришлым населением. Отмечались преступления, совершенные с особой жестокостью. Например, в сентябре 1879 г. в Тюменском округе нашли привязанный к суку березы истерзанный труп неизвестного человека, похожего на черкеса. Тогда же в Тарском округе ссыльный горец Демир-Шади Оглы, в драке нанеся ранение ножом в грудь местному крестьянину Г. Бровкину [25].

Организованная преступность часто привлекала в свои ряды представителей разных народов. В частности, юг губернии терроризировали конокрады. В 1895 г. там фиксировались случаи воровства лошадей, разбойные нападения на жителей и другие бесчинства, была обезврежена целая банда конокрадов под предводительством некоего Есельбаева; в ходе следствия выяснилось, что данная преступная группа имела связи с более крупной и мощной бандой конокрадов, лидерами которой являлись ссыльный черкес Тарского округа Эюб-Зекир Оглы и киргиз Т. Джаликанов. Непосредственными помощниками бандитов выступали татары деревни Белая Соколовской волости Ишимского округа, которые под предводительством своего атамана разъезжали вооруженные винтовками, револьверами, пистолетами и кинжалами, наводили страх на население и грабили его [26].

Таким образом, преступность в Тобольской губернии последней трети XIX в. являлась отражением комплекса проблем, с которыми сталкивалось сибирское общество. Геополитическое положение региона, несовершенство правоохранительной системы, психология провинциального мышления и преступные традиции местного населения, осложняли криминальную ситуацию, превращая преступность в норму сибирской жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX–начало XX вв.). Тюмень, 1995. С. 135–138; Государственный архив тюменской области (далее — ГУТО ГАТО). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 500. Л. 157–161.
2. Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГУТО ГАТ). Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 14–15 об., 27, 124.
3. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 9.
4. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. СПб., 1896. С. 490.

5. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 5.
6. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 40.
7. ГУТО ГАТО. Ф. И-183. Оп. 2. Д. 364. Л. 25-26 об.
8. Сибирская торговая газета. 1897. 24 сентября
9. ГУТО ГАТО. Ф. И — 2. Оп. 1. Д. 471. С. 19-19 об.
10. Цит. по: Головачев П.М. Тюмень как гнездо народного невежества // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв. Тюмень: Мандр и К, 2004. С. 65.
11. Литовцин А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 28-29.
12. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1900. С. 47.
13. Исторический архив Омской области (далее — ИсАОО). Ф. И-3. Оп. 10. Д. 17038. Л. 282.
14. ИсАОО. Ф. И-3. Оп. 10. Д. 15952. Л. 60 об.
15. ГУТОГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 51. Л. 60-60 об., 149.
16. Литовцин А. Указ. соч. С. 31.
17. ИсАОО. Ф. И-3. Оп. 10. Д. 15952. Л. 166.
18. Там же. Л. 205.
19. Литовцин А. Указ. соч. С. 32.
20. Цит. по: Головачев П.М. Указ. соч. С. 65.
21. ГУТО ГАТ. Ф. И-479. Оп. 2. Д. 17. Л. 8-9.
22. ИсАОО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 18560. Л. 1-3.
23. Там же. Оп. 10. Д. 17038. Л. 250.
24. Сибирь и каторга. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1900. С. 322.
25. ИсАОО. Ф. И-3. Оп. 10. Д. 15952. Л. 195.
26. ГУТО ГАТ. Ф. И-479. Оп. 2. Д. 46. Л. 16.